

**ДМИТРИЙ
ВОЛОДИХИН**

МИТРОПОЛИТ
ФИЛИПП

Дмитрий Володихин
Митрополит Филипп

«Автор»

2007

Володихин Д. М.

Митрополит Филипп / Д. М. Володихин — «Автор», 2007

ISBN 978-5-235-03239-2

«Я очень боялся писать эту книгу. Память о митрополите Филиппе – один из тех факелов, которые заливают светом всю русскую жизнь, с древности до наших дней; и не только освещают, но и высвечивают в ней всякую кривизну, ложь и фальшь. А я, обыкновенный человек, приближаюсь к этому светильнику и прикасаюсь к нему... Самому бы не солгать и не сфальшивить – вот чувство, с которым я решился писать. Милостив Господь, авось придержит мою руку там, где я соберусь сделать ошибку или сказать сущую глупость...»

ISBN 978-5-235-03239-2

© Володихин Д. М., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Божьи притчи	6
Глава I. Тень юных лет	7
Глава II. Монах	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дмитрий Володихин
Митрополит Филипп

Бога ради живите любовно...
(Митрополит Филипп)

Божьи притчи

Я очень боялся писать эту книгу. Память о митрополите Филиппе – один из тех факелов, которые заливают светом всю русскую жизнь, с древности до наших дней; и не только освещают, но и высвечивают в ней всякую кривизну, ложь и фальшь. А я, обыкновенный человек, приближаюсь к этому светильнику и прикасаюсь к нему... Самому бы не солгать и не сфальшивить – вот чувство, с которым я решил писать. Милостив Господь, авось придержит мою руку там, где я соберусь сделать ошибку или сказать сущую глупость.

Моя работа начиналась под аккомпанемент мысли об уроках Бога, преподанных людям. Он рассказывает человекам притчи о человеках и через человеков. А нам следует всматриваться в них, вдумываться в смыслы, наполняющие всякий день жизни, всякое мгновение. В каждом слове, каждом поступке, каждом повороте судьбы начертаны знаки Его воли. Их невозможно понять до конца, но пытаться осознать хотя бы самое общее значение – необходимо. Вся история человечества представляет собой собрание притч, рассказанных небом земле.

Через Филиппа России и русскому народу сказано очень многое.

Бог для любого из нас приготовил роль в огромном мировом действии. В том числе, для тех, кто в Него не верит, и даже для тех, кто Его не знает. И весь жизненный выбор человека состоит, по сути, в том, чтобы узнать свою роль, принять ее и сыграть наилучшим образом, или же, напротив, не пытаться понять ее смысл, поняв, не принять его, а все-таки приняв, сыграть спустя рукава. Мы не выбираем роли, наши роли даны нам изначально; можно смириться с этим и сделаться требовательнее к себе, а можно всю жизнь провести в состоянии бунта, безлюбия и безответственности.

Митрополит Филипп в роли, полученной им от Бога, был совершенен...

* * *

Простите меня, братья и сестры, если жизнеописание святого Филиппа вышло у меня худо. Кто умнее меня, тоньше, у кого веры больше, тот когда-нибудь напишет о нем лучше.

Ну вот, теперь читайте.

Глава I. Тень юных лет

11 февраля 1507 года в аристократическом семействе Колычевых появился на свет младенец мужеска полу. Его крестили, дав имя Федор – в честь древнего святого Федора Стратилата, небесного покровителя служилых людей по отчеству, как называли в ту пору дворян. Память Федора Стратилата отмечается всего несколькими днями ранее, вот родители и вспомнили подходящего святого для новорожденного мальчика.

Три десятилетия спустя он пострижется в монахи с именем Филипп. Почти шесть десятилетий спустя он станет главой Русской церкви, митрополитом, а после ухода из земной жизни его причислят к лику святых. О нем напишут множество статей и немало книг. В них жизнь этого человека будет разобрана до мельчайших деталей. Немало поучительного и доброго скажут отдаленные потомки о его детстве, юности и молодых годах.

Вот добродетельные родители. Вот христоролюбивая обстановка в доме. Вот великокняжеский дворец, куда молодой человек был допущен по праву высокого рождения. Вот первые стадии его духовного развития. Вот каковы были черты его характера. А вот его преданность евангельским истинам...

Земная судьба святого человека, действительно, такая материя, к которой следует прикасаться с величайшим почтением. Но при всем том, благочестие не дает повода пускаться в фантазии. О юном Федоре Колычеве написано слишком много выдуманного, или, вернее, додуманного, за скупыми словами его Жития.

Впрочем, и сама основа, Житие, говорит о первой половине жизни будущего митрополита мало правды. Между тем, хотелось бы подчеркнуть: Житие – главный источник по истории судьбы митрополита Филиппа.

Его составили в то время, когда в живых не осталось ни одного свидетеля молодости святого. Сам он к этому моменту вот уже несколько десятилетий лежал в могиле. Рассказы его о самом себе могли помнить немногие старики, да и те в основном знали обстоятельства последнего периода его жизни. Особенно сильно почитали святого в Соловецкой обители, и там могла сложиться устная традиция рассказов о нем, передаваемых от старцев к молодым инокам. Но сколько в ней достоверности в той части, где речь заходит о глубокой старине? Бог весть. Скорее, всего, правдивых сведений там сущие крупинки, – больше вольных упражнений благочестивого ума.

Ну а летописец оставил запись о его рождении, чтобы вновь обратиться к этой фигуре лишь после того, как будет прожито больше половины жизни Филиппа...

Остается сделать вывод: между новорожденным Федором Колычевым и недавно постригшимся иноком Филиппом находится пустыня фактов. Мы не знаем о его молодости почти ничего.

Зато довольно много известно о его роде. О, это был знаменитый род старинной московской знати!

Древнее семейство московских бояр Колычевых происходило от знатного человека Андрея Кобылы¹, служившего московским князьям еще в середине XIV столетия. Второй сын Кобылы, Александр Елко, стал родоначальником фамилий Колычевых и Хлуденевых. Его старший сын Федор Колыч во второй половине XIV – начале XV века владел огромными вотчинами. Его прозвище некоторые возводят к слову «колыга» (скряга), другие – к слову «колча» (хромой), третьи – к слову «колышка» – колыбель. В любом случае, именно оно дало имя целой ветви потомков Кобылы. Семейство постепенно разрасталось, из поколения в поко-

---

¹ Андрей Кобыла, вероятно, был коренным московским землевладельцем.

ление его представители занимали важные административные и военные посты. Некоторые из них служили «на великого государя» московского, прочие же оказались на службе при дворах удельных князей Московского правящего дома. В XVI столетии семейство «служилых людей по отечеству» Колычевых имело множество ответвлений. Одно из них именовалось «Лобановыми-Колычевыми». Именно к нему восходит родословие будущего митрополита Филиппа.

Ее основатель, Иван Андреевич Колычев по прозвищу Лобан, был крупным новгородским помещиком и важным человеком при дворе Ивана III Великого. Будущему митрополиту он приходится дедом. Точно известно, что Иван Андреевич сделал отличную карьеру, служа великому князю московскому. Выполнял важные дипломатические поручения, возглавлял полки на поле брани, заседал в Боярской Думе. Не позднее 1498 года он получил высокий думный чин окольничего, а по другим, менее достоверным сведениям, и высший – боярина. Позднее его назначили на еще более крупный пост в дворцовой иерархии: документы называют его «конюшим», а это предполагает руководство соответствующим ведомством. С 1499 по 1502 год Иван Андреевич сидел наместником в Новгороде Великом. Он женился на дочери одного из Есиповых (видный род бояр новгородских) и получил в придание волостку Бежецкой пятины. Высокое положение также позволяло ему «округлять» земельные владения. Ивану Андреевичу, в частности, принадлежали села под Коломной, Серпуховым, ну и, разумеется, в Новгородской земле. Что можно сказать в итоге об этом человеке? В последние годы правления Ивана Великого он был одной из главнейших фигур в «обойме» великого князя. Если переводить на язык современной политической иерархии, то Ивана Андреевича следует приравнивать к министру и губернатору... притом с генеральским чином.

9 марта 1502 года он погиб под Ивангородом, когда на крепость напали ливонские немцы. Так что внука своего он знать не мог. Зато внук наверняка слышал от отца рассказы о великом деде...

Сын Ивана Андреевича Степан (Стефан) унаследовал от него земельные владения на Новгородчине, да и родился где-то в новгородских землях². Он также пытался делать карьеру, но достиг куда меньших успехов. Кроме него у Ивана Лобана Колычева было еще четверо сыновей, поэтому богатства отца при дележе наследства расплылись и то, что досталось каждому из братьев, не могло служить надежным трамплином для возвышения. Каждый должен был самостоятельно выслуживать новые поместья и вотчины.

Степан Иванович носил странное прозвище – Стенстур. Так звали крупнейшего политического деятеля и просветителя Швеции тех времен: Стена Стуре Старшего. На протяжении десятилетий он правил страной как регент³, отличался большим государственным умом, удачно воевал, в том числе и против русских войск. Что означает прозвище Степана Ивановича, понять сложно. То ли тот, кто его так назвал в первый раз, хотел сказать нечто вроде: «Ну ты прямо Стен Стуре, ума палата!» То ли речь шла о внешнем сходстве. То ли о каких-то военных (торговых?) эпизодах, когда Степану Ивановичу пришлось иметь дело со Стеном Стуре Старшим⁴... Иван Андреевич Колычев сражался против шведского регента и мог знать его лично, однако само по себе это еще ничего не объясняет.

О карьере Степана-Стенстура известно крайне мало. Таких высот, как отец, он не достиг, но одно время, видимо, в 30-х или 40-х годах, был дядькой (воспитателем) у Юрия – брата государя Ивана IV. Отец Юрия, великий князь Василий III, благоволил Колычеву.

Однако в военных предприятиях Московского государства этот Колычев совершенно не заметен. Документы того времени не упоминают его ни в качестве воеводы, ни даже в качестве

² Ряд историков считает и его сына Федора Степановича Колычева уроженцем новгородчины, но это лишь предположение, а не установленный факт; некоторыми учеными этот тезис оспаривается.

³ Швеция тогда находилась в подчиненном положении по отношению к Датской короне.

⁴ Стен Стуре Младший также регентствовал в Швеции – в 1512–1520 годах. Степан Иванович к тому времени был взрослым самостоятельным человеком, вряд ли он мог «подцепить» прозвище столь поздно.

воинского головы – командира пониже рангом. Это очень странно, если учесть, что отец Степана Ивановича был крупным полководцем, и его положение должно было хоть в какой-то степени перейти к первенцу. В России XVI столетия составлялись подробные списки («разряды») воинских назначений – в полки и гарнизоны, на строительство крепостей. Они дошли до наших дней в хорошем состоянии. Таким образом, в распоряжении современного историка имеется мелкаячеистая сеть, которой можно «выловить» любого мало-мальски значительного военачальника. Эта сеть «пропустила» Степана Ивановича, следовательно, на армейском поприще он был никем.

Нет данных и о службе Степана-Стенстура в административном аппарате державы. Последнее, допустим, как раз не удивительно: бумаг, содержащих сведения о руководстве центральных русских ведомств того времени сохранилось ничтожно мало. Так что Степан Иванович мог занимать довольно высокий управленческий пост, но служба его прошла мимо сохранившихся источников⁵.

Настораживает другое: службы младших братьев Степана Ивановича хорошо известны. Второй сын Ивана Андреевича, Михаил, стоял очень высоко в московской служебной иерархии. Он был наместником Новгород-Северским, воеводствовал в Смоленске, а в Думе получил звание окольного. Умер в 1570 или 1571 году. Третий сын Ивана Андреевича, Иван Иванович Лобанов-Колычев по прозвищу Рудак был не менее заметным деятелем, строил крепость в Заволочье, ходил в окольных. Иван Иванович Умный, младший (пятый) из братьев, служил у князя Андрея Старицкого дворецким, попал в опалу, затем вышел у Ивана IV опять-таки в окольные, к тому же получил, как и отец, почетный пост конюшего – при дворе слабоумного царского брата Юрия; бывал в полковых воеводах и даже участвовал во взятии Казани. А потомство его достигло выдающегося положения в опричнине. О детях Ивана Ивановича Лобанова-Колычева (по прозвищу Умной) еще пойдет речь в этой книге.

Иными словами, при сыновьях Ивана Андреевича эта ветвь Колычевых не захудала и не потеряла влияние из-за государевой опалы... Братья-Ивановичи в службах были благополучны. Все вышли в «министры и генералы», на худой конец, доходили до уровня «замминистра». Но старшенький почему-то не рос в чинах...

Документы и летописи XVI столетия не донесли известий об опале, которая могла сразить его.

Весьма вероятно, существовали иные препятствия для его карьеры. В монахи он не ушел – это известно точно. Возможно, ему мешало слабое здоровье. Или же большая набожность, тяга к книжной премудрости. Служилый аристократ того времени мог быть сколь угодно начитанным «книжником», но только во вторую очередь. А в первую – военачальником и администратором. Человеком, который по гроб жизни обязан государю служить «мечом и советом». Если у Степана Ивановича склонность к духовному просвещению оказалась преобладающей над служебным предназначением, то в чинах он высоко пойти не мог. Так же как и сын священника, например, которому пришла бы в голову странная мысль сделаться воеводой.

Житие святого Филиппа говорит о его отце в самых общих словах, как о знатном и благочестивом советнике Василия III, «...украшенном многими добродетелями, исполненным ратного духа, большом знатоке Божественных заповедей и государевых законов (исправлений)»⁶. Каков был Степан Иванович на войне – Бог знает, ничем особенным он себя не проявил, по армейской стезе, как уже говорилось, не пошел. А вот ученость его – вещь весьма возможная, и она-то могла отвести потомка грозных воинов от воеводской работы. Да и к сыну его, человеку, без сомнений, «книжному», эта страсть могла перейти от отца.

⁵ В исторической литературе высказывалось мнение, согласно которому Степан Иванович получил от Василия III боярский чин. Это мнение основательных доказательств не получило.

⁶ Слова Жития несколько адаптированы для восприятия современного читателя.

Насколько мало мы знаем об отце будущего митрополита, но о матери его известно еще меньше. Звали ее Варварой, и в конце жизни она постриглась в монахини, приняв имя Варсонофия. Автор Жития ласково именует ее «многоцветущей и плодovитой лозой». Что ж, детьми эту женщину Бог и впрямь не обидел. В популярной литературе ее называют «набожной женщиной», опираясь на сам факт принятия ею иноческого сана. Но постриг может объясняться совершенно иначе: после смерти мужа и ухода старшего сына Федора в монахи, ей не на кого была опереться, и монастырь оказался наилучшим исходом. Уход в монашество после кончины супруга было обычным делом среди русских женщин старомосковской эпохи.

О семейной быте четы Колычевых Житие сообщает в нескольких строках: супруги соблюдали закон Божий и Заповеди евангельские, жили в достатке, много жертвовали «сырым и убогим», были глубоко верующими людьми и любили друг друга. Вот и всё. Как уже говорилось, достоверность Жития в той его части, где рассказывается о молодости святого, оставляет желать лучшего. Так что эта картина в равной степени может быть абсолютно верной и совершенно выдуманной – плодом благочестивых раздумий автора...

Помимо Федора, у Степана Ивановича было еще трое сыновей: Прокофий, Яков и Борис. Все четверо числились в новгородских помещиках. Из них первые три сына ушли из жизни бездетными. Быть может, Прокофий и Яков умерли рано – на государственной службе их не видно, во всяком случае, заметного положения они не добились.

Изо всех продолжил род только Борис, но у его детей потомства не было. Вообще, Борис Степанович Лобанов-Колычев, в отличие от отца и старшего брата, пошел по традиционному пути служилых аристократов. Это был военный человек, к зрелым годам выслуживший воеводские назначения. Его отличал незаурядный полководческий талант. Зимой, в начале 1558 года, он участвовал в набеге на ливонские земли, занимая пост воеводы сторожевого полка. Весной того же 1558 года из Ругодива (Нарвы) к ливонскому городу Сыренску было отправлено русское войско, а ему на подмогу вышли «головы» с новгородскими отрядами – Борис Колычев старшим, да с ним Василий Разладин-Квашнин. В июне Сыренск пал. В июле Борис Степанович во главе ертаула (передового отряда) большой русской армии успешно громил ливонцев в поле. Месяц спустя его отряд захватил города Раковор и Порхол. Сентябрь принес Борису Степановичу еще одну громкую победу. Он нанес немцам поражение у Голбина, положил на месте множество вражеских воинов, взял в плен 34 ливонских дворянина и при этом потерял всего троих русских. Поздней осенью он участвует в тяжелых боях с ливонцами у Рынгола⁷, пребывая в чине третьего воеводы большого полка. Тогда нашим приходилось туго... Несколько месяцев спустя Борис Колычев вновь в походе: его определили головой под начало князя Юрия Кашина, командовавшего полком правой руки в крупном русском соединении, отправленном на Ливонию. Войско вернулось домой с победой, наголову разгромив немцев у городка Чествина. Таким образом, в первых месяцах 1559 года армейская карьера Бориса Степановича складывалась весьма успешно, у него были отличные перспективы. Этот человек был таков, каким предстояло стать Федору Колычеву, и каким он никогда не станет. Младший сын в каком-то смысле заменил старшего, прожил его жизнь...

Между 1559 и 1561 годами его биография пресеклась. Как – неизвестно.

По крайней мере, один из его сыновей, Венедикт Борисович, пережил и отца, и самого митрополита Филиппа. Известно, что в 1571 году он женился на дочери Ивана Замыцкого. В делах карьеры Венедикт Борисович следовал отцу, был военным, однако высоко не поднялся. Числился среди новгородских помещиков Деревской пятины.

В 1561 году Филипп вписал в заупокойный помянник Соловецкого монастыря имена своего отца Степана, матери, инокини Варсонофии, и брата Бориса. Как судьба обошлась с двумя его другими братьями – Прокофием и Яковом – остается только гадать. Возможно, к тому вре-

⁷ Видимо, Ринген, – в районе Юрьева (Дерпта, Тарту).

мени они все еще были живы, но с той же вероятностью могли умереть намного раньше, еще в юности, и потому не попали в соловецкий помянник.⁸

Огромное, разветвленное семейство Колычевых в XVI столетии процветало на службе. А если сложить воедино все поместья и вотчины, которыми владели его представители, то получится территория небольшой европейской страны. Биографии Степана-Стенстура и его сына Федора выпадают из общей судьбы рода.

Об отце уже говорилось. Что же касается сына, то и его молодость никак не «улавливается» в «сеть» военной документации того времени. Он *обязан* был служить. И по роду своему мог претендовать на высокие посты в армии, аппарате управления или при дворе. За Колычевыми в целом и за ближайшей родней Федора Степановича в частности, числились очевидные заслуги перед престолом. Как старший из братьев, рожденный старшим из братьев предыдущего поколения, он оказался во главе всей ветви. И что же? Ни один разряд ни единого раза не упоминает его на военной службе. Ни один документ не свидетельствует о том, что Федор Степанович занимал какой-то административный пост. Это необычно. Может быть, он до тридцати лет просто не успел подняться высоко? Что ж, вероятно... и всё же надо учесть одну особенность старомосковской цивилизации: юноши-дворяне начинали службу с очень раннего возраста. В пятнадцать лет они уже могли быть призваны в поход «конны, людны, оружны». Стало быть, к тридцати годам у Федора Степановича уже было за плечами полтора десятилетия службы. Никак не меньше. Так почему же он остался невидим для разрядов?

Выдвигались гипотезы, согласно которым Федор Степанович мог оказаться на службе у князей Старицких – удельной родни Василия III. Или, скажем, у Юрия Дмитровского – другого удельного князя. Документы, где записывались службы при удельных дворах, не дошли до наших дней, так что проверить это предположение невозможно. Оно и по сути неправдоподобно: если Степан-Стенсур служил Василию III, зачем ему было определять сына-первенца ко двору удельного князя? Ведь служба при удельном дворе по определению «честью ниже», чем служба при великокняжеском. Что же он, не хотел добра крови и плоти своей? Но и отвергнуть эту идею напрочь тоже нет оснований. Кое-кто из родни Федора Степановича служил тогда у Старицких...

В тридцать лет Федор Степанович мог уйти в монахи, поскольку не был женат. Ясно только одно: у него не было супруги в тот момент. Но была ли она раньше? Прийти к тридцатилетнему рубежу, не отведав брака – крайне необычный выверт в судьбе знатного мужчины XVI века. Одно из двух: либо до принятия пострига будущий митрополит все-таки был женат, но его супруга рано умерла, не подарив ему детей (а генеалогические памятники говорят о его бездетности). Либо он с юных лет подумывал о судьбе инока, и потому сознательно уклонялся от брачных уз, а отец не стал его неволить. Если верно второе, то Степана Ивановича надо считать человеком большой мудрости и удивительной мягкости: он согласился с нежеланием сына-первенца продолжать род, хотя это шло вразрез в обычаями служилой аристократии.

Житие говорит о юных годах Федора Колычева следующее: он сторонился «пустошных игр», любимых другими детьми, предпочитая им «книжное учение». Родители приохотили его к «художной хитрости – Божественному писанию», и мальчик полюбил читать. Степан и Варвара Колычева ласкали сына и баловали его.

Как отпрыск знатного семейства он должен был освоить ратную науку, прежде всего, получить навык езды на коне. К нему приставили молодых парней, обязав их побольше ездить верхом с Колычевым-младшим. В ту пору молодой человек, чтобы не отстать от сверстников, должен был как можно больше бегать, скакать на коне, бороться, упражняться в стрельбе из

---

⁸ По сообщению писателя-краеведа Романа Гацко, отец и мать святителя похоронены в селе Ворсино-Колычево под Подольском.

лука и участвовать в жестоких кулачных боях. Аристократ осваивал также правильное обращение с оружием, прежде всего, с саблей и боевым топором, а также узнавал от старших всё известное им о тактических уловках и походных обычаях русской армии.

Приобщаясь к «воинской храбрости», Федор все-таки больше тянулся к книгам, к молитве, к Священному Писанию.

Похоже, тут автор Жития не столько измышлял подробности жизни святого, сколько пользовался какой-то устной традицией, существовавшей в Соловецком монастыре. Чувствуется, как в его рассказе проступают живые черты характера юного аристократа. Не столь уж многие крупные деятели Церкви возвысились из аристократических родов, и считанные единицы были причислены к лику святых. Поэтому всякий раз агиограф, задумываясь над судьбой такого человека, должен был себе и читателям объяснить: как личность, самой судьбой приготовленная для битв и государственных советов, оказалась в стенах монастыря? Савва Сторожевский, например, происходил если не из аристократии, то уж во всяком случае, из богатых людей. Однако об особенной «книжности» его известий нет. Это был выдающийся аскет, возможно, исихаст, один из любимых учеников Сергия Радонежского, видимо, не «философ». Таков же и знаменитый Кирилл Белозерский – отпрыск величайшего рода московских бояр. Стефан Пермской, напротив, с детства проявлял тягу к духовному слову и необыкновенные способности к учебе. Вот уж был великий книжник! Но нет данных, которые дали бы возможность связать его происхождение со средой «служилых людей по отечеству», т. е. дворян. Вообще, когда агиограф извещает о «книжности» какого-то святого, это чаще всего не часть литературного этикета, а отражение действительной черты характера. Преподобный Сергей Радонежский, например, вышел из ростовской знати, правда, из обнищавшего рода. Ему учение на первых порах не давалось, а обстоятельства жизни его родителей не располагали к занятиям военным делом. С Федором Колычевым всё наоборот. Его ожидала блистательная карьера, ему предстояло водить в бой полки и целые армии, выступать на заседаниях Боярской думы... И он это прекрасно знал. Но в какой-то момент отказался и от достатка, и от карьеры, и от жизненного предназначения. Почему?

В декабре 1533 года скончался великий князь Василий III. Тогда Федору Степановичу было почти 27 лет. Житие рассказывает: молодого Колычева определили в число «благородных юношей», оказавшихся в «служении царском», видимо, в свите нового великого князя⁹. Там он был «любим» государем, «добре строил» его повеления, успевая при этом «терзать зловерие» и быть «садителем благочестия».

Да только всё это чистой воды выдумка.

Новый великий князь Иван Васильевич родился в 1530 году, и был ко дня смерти отца сущим младенцем. В Москве, при великокняжеском дворе, Федор Степанович пробыл до 1537 года, – тогда его государю исполнилось всего семь лет. За что любил маленький мальчик чужого взрослого человека и какие повеления давал ему, – остается только гадать. Но, скорее всего, автор Жития просто пустился в фантазии. Отец Федора Степановича был назначен воспитателем к младшему брату державного малыша гораздо позже: в середине 1530-х годов он никак не мог исполнять обязанности дядьки, поскольку Юрий Васильевич родился в 1533 году, незадолго до кончины Василия III. Какое там воспитание! Малютка еще пускал пузыри, требовал соску и агукал к радости мамы. Так что неизвестно, была ли вообще родовая ветвь Степана и Федора Колычевых приближена ко двору после смерти Василия III.

В 1537 году некоторые представители семейства приняли участие в мятеже удельного князя Андрея Старицкого и после его подавления жестоко пострадали. В светской исторической литературе укрепилось мнение, согласно которому позор и унижение рода, а может быть, и прямая опасность для самого Федора Степановича, стали главной причиной, подвигнувшей

---

⁹ Точное выражение Жития: «в полате царской».

его бросить мир и обратиться в инока. Церковные писатели, используя иные слова, говорят примерно о том же: молодой мужчина испытал, каковы слава и богатство, а затем на примере близких людей увидел, как тленны они, сколь быстро они отымаются; это привело его к душевному кризису, из которого он вышел монахом. Подобное мнение высказал еще в середине XIX века преосвященный Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский.

Но... вот беда: никто не знает, оказал ли действительно мятеж Старицкого, а потом и его разгром столь сильное воздействие на личность Федора Кольчева. Ни один источник не говорит об этом прямо. В Житии нет ни слова о мятежной родне будущего митрополита.

При малолетних наследниках удельный князь Андрей Старицкий имел отличный шанс захватить престол. Он приходился младшим братом покойному Василию III, родившись от брака Ивана Великого и Софьи Палеолог. Это был взрослый человек, пользовавшийся поддержкой части московской знати. К тому же, он располагал собственными силами: войском и двором удельного княжества.

Между тем, в Москве правила за двух малышей их мать, великая княгиня Елена Глинская. Она очень опасалась за судьбу детей, и на то были основания. Гордая, своевольная аристократия никогда не забывала о ветви Старицких как о претендентах на русский трон. Регентша происходила из рода литовско-русских князей, чужаков для Москвы. Для того, чтобы Василий III мог на ней жениться, ему пришлось развестись с первой супругой, Соломонией Сабуровой, и это вызвало чудовищный скандал. Не чувствуя положение свое прочным, Елена Глинская готова была на любую жестокость, если бы это помогло спасти ее мальчиков. Она, словно птица, хотела бы крыльями закрыть их от любой угрозы... Так вела себя в том же XVI веке другая известная женщина – Екатерина Медичи. Эта французская Елена Глинская с необычайной свирепостью сражалась за сохранение своего потомства.

В 1537 году отношения между московским и Старицким дворами накалились до предела. Действительно ли Андрей Старицкий планировал мятеж, или, быть может, окружение Елены Глинской взвинтило ее, возбуждав самые страшные подозрения против князя, – неясно.

Андрея Ивановича позвали в Москву для руководства войсками на казанском театре военных действий. Опасаясь расправы, он отказался. К нему отправили «посольство», состоящее из видных людей Церкви. «Послы» от имени государя Ивана Васильевича и регентши Елены Глинской должны были дать ему «слово правое», что над ним не учинят «никогого лиха», вот только надо разобраться, кто сеет смуты между Москвой и Старицей. Опасаясь побега или бунта князя, боярское правительство выдвинуло полки поближе к его владениям – в район Волока. Приближенного Андрея Ивановича, князя и боярина Федора Пронского, отправленного в Москву с объяснениями, арестовали, не дав ему исполнить поручение. «Посольство» не успело добраться до старицкого двора, как Андрею Ивановичу сообщили о приближающейся армии. Князь «дрогнул» и «побежал» в Новгород Великий, решив искать помощи у тамошних жителей. Богатая столица Северной Руси могла стать превосходной базой для борьбы с Москвой. При неудаче у него появлялся выбор: бежать далее за море к шведам, сдаться ливонским немцам или отправиться в Литву со всей свитой. Но, во-первых, новгородцы его не поддержали и, во-вторых, раньше, чем он добрался до Новгорода, туда уже явились приближенные Елены Глинской с самыми строгими инструкциями. Правда, часть новгородцев все же прибыла к нему в лагерь и попросилась на службу. Очевидно, таких оказалось немного... Андрей Иванович с полдороги развернулся для боя с московскими полками. Здравое оценив соотношение сил, в последний момент мятежный князь не решился дать войскам сигнал к атаке. Вместо этого Андрей Старицкий начал переговоры с противной стороной, пытаясь избавиться себя от тяжелой кары. Командующий правительственными войсками обещал ему неприкосновенность. Тот сдался и отправился в Москву. Однако Елена Глинская не была настроена оказывать милость. Для нее представился случай навсегда избавиться от величайшего страха последних лет. В ярости она подвергла аресту князя и его семью. Несколько меся-

цев спустя, как пишет летопись, «...преставился князь Ондрей Иванович в нуже страдальческою смертью».

Для Федора Степановича Колычева гораздо важнее выступления бунтовщиков и их разгрома было другое. Мятеж миновал, но по горячим следам проводилось расследование. Бояр Андрея Старицкого осрамили торговой казнью и бросили в темницу. Новгородцев, перешедших в лагерь князя, предали смерти. Среди сторонников мятежного князя отыскалась целая гроздь Колычевых, и с ними распорядились сурово.

Прежде всего, торговая казнь¹⁰ обрушилась на Ивана Ивановича Колычева-Лобанова, основателя ветви Умных. А он приходился дядей Федору Степановичу.

Во главе новгородских помещиков, пришедших на помощь Андрею Старицкому, стояли Андрей Иванович Колычев-Пупков и Гаврила Владимирович Колычев, а с ними еще три десятка дворян пониже рангом. Оба приходились Федору Степановичу родней, хотя не столь близкой, как Умной. Они закончили жизнь страшно. Их били кнутом, а потом повесили, расставив виселицы по дороге от Москвы до Новгорода. Из их тел сделали предупреждение всем тем, кто мог еще осмелиться на бунт против вдовствующей великой княгини...

Как должен был относиться Федор Степанович к этим событиям? Естественно предполагать, что он скорбел о казненных родственниках, жалел дядю, терзался, видя, какое пятно легло на честь всего семейства. Тень мятежа легла, как станут говорить в XX столетии, на «членов семьи». А это, помимо нравственного унижения, грозило серьезными материальными потерями. Тех, кто оказался подозреваемым в склонности к мятежу и, тем более, в прямой связи с заговорщиками, могли запросто лишить вотчин и поместий, отправить в ссылку, а главное, отобрать выслуженные чины. Потом, через несколько месяцев или даже лет, земли и служебное положение могли вернуть – так бывало в истории московского двора многое множество раз. Так, в сущности, сложилась судьба и Колычевского рода. Тот же Иван Иванович Умной из Колычевых-Лобановых впоследствии был приближен ко двору молодого Ивана Грозного и сделал отличную карьеру в Москве. Но... раз на раз не приходится. Кому-то возвращали всё, кому-то – кое-что, а кому-то – ничего. Испытав подобный удар, знатный род мог надолго уйти в тень, «захудать», потерять высокий статус. Так, например, на протяжении большей части XVI столетия князья Пожарские, высокородные Рюриковичи, не вылезали из опал и никак не могли подняться к высоким чинам... Поэтому все семейство – виновные и невинные в мятежных деяниях – должно было трепетать в предчувствии больших бед. Нет никаких сведений об участии Федора Степановича в мятеже князя Старицкого. Так же, как и том, что он в чем-то был ущемлен после подавления бунта. Но как «члену семьи» ему было чего бояться.

Советский историк П.А.Садиков прямо сказал: «Филипп еще молодым человеком ушел из Москвы в 1537 г., спасаясь (курсив мой – *Д.В.*) после дела кн. Андрея Ивановича Старицкого...»

Преосвященный Леонид в своем прекрасном труде о святом Филиппе рисует образ молодого мужчины, обреченного на страшное душевное испытание: «Больно было Феодору несчастье кровных, позор фамилии. Его благородному, возвышенному сердцу стало невыносимо оставаться в придворной службе, в присутствии наглого любимца, и тут-то он сожалел, может быть, что не уклонился заранее к безмятежному берегу жизни монашеской. Внутреннее состояние его было тяжело, и нужно было успокоить смятенную, взволнованную душу». Прекрасные слова! Как хочется им поверить. «Наглый любимец» – фаворит Елены Глинской князь Иван Телепнев-Оболенский по прозвищу Овчина, действительно, сыграл в деле князя Старицкого центральную роль. Поведение его и тесные отношения с вдовствующей великой княгиней вызвали крайнее раздражение у старомосковской служилой знати того времени. Кое-кто

---

¹⁰ Проще говоря, он отведал кнута.

даже позволял себе говорить гадости о происхождении сыновей Василия III: мол, не староват ли был великий князь для такого дела? Не делит ли Овчина с ним отцовство?

В апреле 1538 года Елена Глинская умерла. Регентша отошла в мир иной задолго до того, как увядание коснулось ее тела. Она была молода, и ничто не говорит о скверном здоровье великой княгини... Может быть, не настолько уж неправдоподобны предложения, согласно которым одна из придворных «партий» нешумно «помогла» ей завершить земной путь? Впрочем, это из области догадок. А вот уже твердо установленный факт: после кончины Елены Глинской с ненавистным фаворитом Овчиной расправились моментально. На протяжении нескольких лет он был всеильным человеком, но сразу после того, как исчезла поддержка государыни, любимец ее сделался мертвецом.

Это лишний раз доказывает, сколь дурно относились в аристократической среде к правительнице, сколько непопулярна была она на протяжении пяти лет владычества... И, в конечном итоге, с какой неприязнью служили ей.

Таким образом, вроде бы, и с духовной точки зрения, и с точки зрения политической есть основания предполагать, что дело о мятеже князя Андрея Ивановича прямо повлияло на выбор молодым Федором Колычевым иноческой жизни. *Очень похоже*. Да.

Но.

Нельзя забывать одно простое правило: после того – не значит вследствие того. После 1537 года Федор Степанович Колычев оказывается монахом Филиппом. Однако нет прямых и точных подтверждений тому, что он стал иноком *вследствие* событий 1537 года.

Более того, существует несколько серьезных доводов, работающих против этой схемы.

Во-первых, Житие ни слова не говорит о каких-то страданиях дворянина в связи с участием родни в мятежных делах. Там вообще не упоминается бунтовская история, в которой замешаны были Колычевы. Ни летописи, ни послания самого Филиппа, ни какие-либо иные документы не дают даже намека на связь между событиями 1537 года и постригом Федора Степановича в монахи. Эта связь установлена гипотетически, не более того.

Во-вторых, на протяжении нескольких десятилетий семейство Колычевых проявляло необыкновенную живучесть и, если угодно, непотопляемость! Положение его при дворе отнюдь не рухнуло в одночасье из-за «дела Старицких». Многие его представители сохранили высокое служебное положение, а некоторым еще предстояло добиться поистине выдающегося статуса в политической элите Московского государства. Минет четверть века, и на Колычевых обрушится новый страшный удар. Под него подставит родню Богдан Никитич Хлызнев-Колычев, когда-то служивший воеводой в удельной армии Андрея Старицкого. В январе 1563 года он станет перебежчиком в стан литовцев, притом совершит побег во время боевых действий: русская армия тогда «в силе тяжкой» двигалась на Полоцк. Богдан Никитич удрал прямо из походных станов и предупредил врага о подходе нашего войска. Несмотря на новый страшный позор, несмотря на то, что у Ивана IV должно было сформироваться подозрительное отношение к семейству Колычевых, они все-таки продолжали оставаться на самом вершине русской военно-политической иерархии. Наконец, даже падение самого митрополита Филиппа еще не перечеркнет их влияния и не выбьет их с высоких чинов. Колычевы сохраняли высокое положение при дворе все годы правления Ивана Васильевича, да и после его смерти.

Положение любого рода при дворе в значительной степени было результатом бойцовых качеств его представителей. Трудно было пробиться в «высшую лигу» власти, однако еще труднее остаться там надолго. Временщики приходили и уходили, но несколько десятков семейств постоянно сохраняли в своих руках бразды правления страной, разделяя их только с монархом. Колычевы были именно среди этих семейств, и они умели грызться за свое высокое положение, умели отстаивать его. Они научились использовать все возможности, чтобы удержаться на вершине. Поэтому все сказанное выше о «предчувствии больших бед» может быть повернуто другим боком: кто готов бороться за себя, тот вылезет из тяжкой опалы. Потребны только

воля, связи и уверенность в собственных силах. Федор Степанович, допустим, мог опасаться крупных неприятностей в связи с мятежом князя Андрея Старицкого; но в такой же степени он мог испытывать надежду на то, что эти неприятности он переживет, выкарабкается. А не он сам – так более удачливая родня, которая не даст пропасть окончательно.

На основе чего установлена связь между постригом Федора Колычева и бунтом князя Андрея Ивановича? *Только* на основе сопоставления чисел: Федор Степанович Колычев обернулся монастырским послушником, когда ему было тридцать лет, а тридцать лет ему сравнялось в начале 1537 года, за несколько месяцев до московско-старицкого конфликта. Как об этом говорится в Житии? «Егда же приспе в совершенство мужа в тридесят лет возраста своего...». Но могло быть и самое простое совпадение, никак не связанное с политическими бурями смутной эпохи.

Итак, связь между уходом Федора Степановича в иночество и мятежом Андрея Старицкого должна быть поставлена под серьезное сомнение.

Само Житие пишет об окончательном решении молодого Колычева пойти в монахи совершенно иначе. Однажды он стоял на литургии, слушал иерея, читавшего Евангелие, и в сердце его неожиданно запали слова: «Немощно убо человеку едином оком на землю зрети, а другим – на небо, ни двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другога возненавидит; или единаго держится, а о друзем же нерадети начнет». В другой редакции Жития все это звучит значительно проще: там цитирование евангельского чтения останавливается на слове «работати».

Именно с того времени Федор Степанович принялся «усердно размышлять» о своей жизни, а вслед за тем начал искать иной участи.

Но что значит это место в Священном Писании? Более всего оно похоже на пересказ Нагорной проповеди Иисуса Христа в Евангелии от Матфея. Для того, чтобы увидеть смысл цитаты, понятный любому книжнику XVI столетия, стоит привести это место из Евангелия полностью: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, а тело – одежды?» (Мат 6:22-25) Как указал еще преосвященный Леонид, чтения Евангелия на 18 зачало от Матфея происходит в воскресенье, на второй неделе по Пятидесятнице¹¹. Впрочем, это могли быть и слова проповеди, где высказывание преподобного аввы Исая: «Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим – на землю, так и уму нельзя пещись и о Божием, и о мирском. Что не будет помощно тебе, когда выйдешь из тела, о том стыдно тебе пещись», – священник использовал в качестве толкования на Евангелие.

Эти слова расшифровывают внутреннее бремя, происходившее внутри молодого Колычева. Не мятеж, как видно, подвигнул его к иноческому пути, а долго вызревавшая нелюбовь к обязанностям царедворца. Таким образом, не стоит искать внешних событий, так или иначе влиявших на личность будущего митрополита. Ведущую роль сыграли глубинные психологические процессы, душевные движения, шедшие долго – все те годы, пока формировалась личность молодого мужчины. На него повлияла вся совокупность впечатлений, полученных им за многие годы, продуманных, прочувствованных, обращенных в строительный материал для возведения собственных предпочтений.

Что он видел, что испытал на протяжении трех десятилетий жизни?

---

¹¹ Для 1537 года этот день приходится на 3 июня.

Эпоха, которой был свидетелем Федор Степанович Колычев – одна из самых блистательных во всей биографии Руси. За два года до его рождения скончался Иван Великий, создатель России. Правитель, при котором весь государственный уклад страны резко изменился. Исчезла былая вольность окраин, произошла резкая централизация. Вся власть над колоссальными просторами Русской земли сосредоточилась в Москве. Прежде такого не бывало. Прежде всякое княжество, всякая вечевая республика располагали большей свободой и имели полное право вести собственную политику, устанавливать собственные законы, вести войны или, скажем, чеканить монету по собственному изволению. При Иване III все забрала в один кулак одна столица. Но она же сумела защитить страну от воинственных татар, отвоевать изрядный кус Литовской Руси, дать общий закон для всех. Свободы стало меньше. Зато и риска попасть в рабство и быть выставленным на каком-нибудь крымском рынке в качестве живого товара также стало намного меньше. Русь отдыхала от кровавых междоусобных войн. То, чего не могли совершить русские князья по одиночке, сделало реальностью единое Московское государство.

Благо, принесенное русскому народу московскими государями, самым очевидным образом перевешивает недостатки их правления. Во всяком случае, до поры массовых опричных казней.

Но была у объединительного процесса одна сторона, на которую не столь уж часто обращают внимание. Произошло не только сосредоточение власти в столице, но и концентрация знатных людей. Если прежде тверской, ярославский или новгородский боярин прекрасно чувствовал себя в родных местах, служил с родовых вотчин и делал карьеру в родной области, то теперь всё изменилось. Блага земные для русского аристократа собраны были в Москве. Тут, при дворе, он мог пасть или возвыситься, проложить всему роду путь к преуспеянию или же убить для родни всякие надежды на доброе материальное устройство. Вся знать Руси устремилась в Москву. Здесь она толклась у дверей «великих людей», стремилась приблизиться к престолу, дралась за чин, за место в Боярской думе, за деревеньку. Тут пихали друг друга локтями бояре и князья. И тот, кто мечтал о славе и богатстве, должен был войти в эту толпу, присоединиться к ней, научиться жить по ее законам.

А они – ох! – не всякий раз совпадали с идеалами доброго христианина. Добро бы сам государь, возглавляя все это великое столпотворение, возвышался над ним, как столб мужества, мудрости и великих нравственных качеств. Но и тут было от чего усомниться в достоинствах службы. Если Иван III был поистине великим правителем, может быть, величайшим во всей истории России, сильным в добре и зле, умелым законодателем и волевым стратегом, искусным дипломатом и мудрым хранителем семьи, то преемники его такой же мощью не отличались.

Федор Степанович Колычев большую часть того срока, который он отдал службе, видел на престоле Василия III – сына Ивана III Великого. А этот был правителем средних способностей. Храбрый человек, он не обладал талантом выдающегося политика, полководца, дипломата. Ему удалось присоединить Псков, Смоленск и Рязань. Войны с татарами Василий III вел с переменным успехом. По отношению к служилой знати великий князь был крутенок. До того, что порою забывал о собственных обещаниях, которые прежде давал аристократам; так что жесткость его порой выходила чрезмерной. Правда, и своевольная знать состояла далеко не из сущих праведников... Василий III как государь был не особенно хорош, но не столь уж и плох. Лишь последние годы правления сильно замарали его имя – из-за скандала, связанного с разводом.

Так или иначе, это был истинный природный государь, отпрыск Московского княжеского дома Рюриковичей с одной стороны и царственного семейства византийских Палеологов – с другой.

Но после его кончины, как уже говорилось, во главе правления встала чужачка Елена Глинская, да ее фаворит. Они погубили младших братьев Василия III.¹² Они владычествовали именем младенца, в котором служилые люди России не без труда признавали сына Василия III. Когда регентша и Овчина закончили земной путь, на смену их жестокому правлению пришла беспорядочная борьба боярско-княжеских группировок, сущая смута...

Где тут говорить о благочестии, о мудрости, о благе страны? Вместо всего этого – долгая полоса эгоистической борьбы честолюбий. Положение при дворе рассматривалось в ту пору как инструмент для удовлетворения корыстных исканий.

Страна была на подъеме. А вот политическая элита ее свалилась в продолжительный кризис.

Федор Степанович знал по собственному опыту, да и по опыту многочисленной родни: забравшись наверх, устремившись ко двору, трудно остаться чистым.

В то же самое время, помимо объединительного процесса, Русь переживала другую трансформацию. Не менее, а может быть, и более важную.

Наша земля в XIV–XVI столетиях испытала невиданный взлет монастырской жизни. Все лучшее в русской культуре того времени рождалось в иноческих обителях. Чистейший, звонкий металл нации, самое выносливое, самое умное, самое энергичное, отвергая материальное благополучие, уходило в места далекие и неосвоенные, в леса, в морозные дали, в непроходимую глушь, и там устраивалось для иноческой жизни. Наша Северная Фиваида – ожерелье русских монастырей, возникших в ту пору, – ни с чем в истории мирового христианства не сравнима. Это явление настолько величественно, что дух захватывает от созерцания его во всей полноте – даже по прошествии многих веков! Тысячи и тысячи русских того времени грезили о твердом установлении Христовой истины внутри самих себя, и для того искали уединения. Найдя то, что искали, они утверждали твердое благочестие не только в собственных душах, но и на сотни верст вокруг – одним своим нравственным примером. Да какая эпоха в истории Руси более привлекательна, более прозрачна, более давала простора для жизненного творчества сильных духом личностей? Какое время выше духовной зрелостью? Аромат сосновых стружек, оловянная стынь северных озер, да лик одинокого инока, устало отложившего топор, присевшего отдохнуть у недостроенного скита и мечтательно вглядывающегося в небо: улыбнется ли ему Бог из заоблачной выси? – вот русская правда, глубинная, сильнейшая.

Вся Русь от края до края осветилась сиянием крестной истины, шедшей от сотен молодых обителей, будто от лампад, зажженных рукой Высшего Судии, да и развешанных Им по чащобным святыням...

Ничего выше у нас по сю пору не было.

Вторая половина XV – начало XVI веков подарили нашему народу множество прославленных подвижников. Пылало благодатное пламя воспоминаний о Корнилии Комельском и Александре Ошевенском, о Пафнутии Боровском и Михаиле Клопском, о Зосиме, Германе и Савватии Соловецких, о Ниле Сорском, об Иосифе Волоцком, о яростном Геннадии Новгородском. О них знал, об их участии мечтал молодой Колычев. Преподобного Иосифа он в детские годы мог видеть. В годы молодости Федора Степановича совершали монашеские подвиги Александр Свирский, Антоний Сийский и Нил Столобенский. В 1518 году в Москву приехал великий книжник Максим Грек – некоторые полагают, что Федор Степанович встречался с ним. Это весьма возможно; во всяком случае, его труды молодой Колычев мог читать. В 20-х годах на митрополии пребывал книжник-иосифлянин Даниил – противоречивая личность, но, во всяком случае, один из ученейших людей своего времени.

---

¹² Помимо Андрея Старицкого расстался с жизнью и другой брат Василия III – удельный князь Юрий Дмитровский. Его схватили вскоре после смерти великого князя, несколько лет держали в темнице, где и уморили в 1536 году. Правда, летопись приписывает ему крамолу против государя-младенца. Видимо, мысли о быстром политическом усилении и, в перспективе, захвате трона, посещали Юрия Ивановича.

А за их спинами источала сияние фигура духовного богатыря – преподобного Сергия Радонежского, окруженная целой дружиною его учеников.

Какие еще причины требовались русскому человеку того времени, чтобы уйти в монастырь, помимо блистательного примера этих людей, их самоотверженного иноческого делания? Нужно ли приплетать обстоятельства жизни одного мятежного князя, чтобы понять причины пострига еще одной личности, которой суждено было стать новым светильником нашего духовенства? До возмужания молодого Колычева и при его тридцатилетии в России жили великие иноки, слава о них прокатывалась по стране из конца в конец. Одно это дает достаточный повод для выбора монашеской рясы вместо кольчуги и шлема.

Если вернуться к словам, услышанным Федором Степановичем в храме, во время богослужения, и представить себе, как мог воспринять их молодой Колычев, станет ясна тревога, ожегшая ему сердце. Как совместить в одной душе два идеала: ценности дерзновенного иночества, взыскующего сокровищ небесных, и потуги служилой аристократии, пытающейся в годы нестроения приобрести от близости ко двору блага земные – земельку, чины, влияние на дела? Наша русская знать была очень хороша на *своем месте*: она умела воевать и управляться со страной, она была сильна, воинственна, рождала людей, обладавших государственным умом. Но утратив понимание *своего места*, выскользнув из уздечки, накинутой на нее всадником-государем, она бесилась, пытаясь не службой, а одним только самовольством обогатиться. Естественно, ослабление идеала честной службы производило тяжелое впечатление на Федора Степановича. Будущие его деяния покажут: по характеру своему он был прям и не терпел искажений истины. Трудно же ему приходилось с этой прямоотой в мутные годы интриг и свар! Каково было ставить в нерасторжимую близость твердо усвоенные приоритеты доброго христианина *и всё это?!* Натура более гибкая нашла бы возможность компромисса, договорилась бы как-нибудь с собственной душой. Но на будущего митрополита глядели отовсюду лики святых, немо укоряя: «Отчего ты служишь мамоне? Служи Христу!» И этому укору он хотел бы подчиниться, ибо так выходило честнее.

Богомольный человек, с юности книжный, влюбленный в слово духовное, Федор Колычев предрасположен был к иночеству. Раздвоение между службой и мечтами о рясе, как видно, давно тяготило его. Не хватало явного знака; ударившись духом о евангельские слова про служение «двум господам», он и воспринял их как знак, поданный свыше.

Так свершился его выбор.

Ранняя часть биографии святого Филиппа напоминает молодость святого Феодосия Печерского, отца русского монашества. Оба происходили из «военно-служилого» сословия. Оба вопреки родовому предназначению с юных лет испытывали тягу к монашеской жизни. Оба в конечном итоге вступили на эту дорогу и стали величайшими учителями русского иночества. Разница только в том, что уходу Феодосия в монастырь очень противилась семья, поэтому он «прорывался» к ношению рясы с невероятным напряжением. Федору Колычеву этот поворот дался легче: он постригся в том возрасте, когда сам имел право решать, как ему распорядиться собственной судьбой.

Первенец боярского рода покинул палаты, оставил изысканные яства и дорогие одеяния, бросил меч, расстался с конем. Его влекли рассказы о славной обители, стоящей посреди моря, дарующей возможность суровой жизни и благого уединения. Он устремился к ней, в полные края. Там, у дальних пределов Руси, ждали его простая изба, да хлеб, да рыба, да вода, да грубая ряса, а то еще и «многосвейная», то бишь лоскутная, да тяжкий крест иночества.

Да еще те же лики, взирающие с икон... одобрительно.

* * *

Остается констатировать: если история рода Колычевых в общем и целом «прозрачна», то первая половина жизни Федора Степановича Колычева совершенно темна. Что ни возьми, то все «с одной стороны нельзя не предположить, с другой стороны, недостаточно фактов, чтобы подтвердить». Юным годам будущего митрополита невозможно дать полноценное биографическое описание. От них осталась лишь тень. Ничтожное количество точно известных обстоятельств и океан гипотез. Первые три десятилетия в судьбе Федора Степановича представляют собой один большой призрак.

Где только можно было сквозь зыбкую призрачность, сквозь туман неведения увидеть черты реальной личности, там это и сделано. Возможно, грядущие поколения историков отыщут в архивах доселе не известные бумаги XVI века и рассеют мглу, скрывающую молодые годы митрополита Филиппа.

Глава II. Монах

Итак, во второй половине 30-х годов Федор Степанович Колычев превратился в инока Филиппа, на всю жизнь связав себя с монашеским бытом.

Житие говорит о том, что он пустился в путь на север, заранее поставив себе целью добраться до Соловецкого монастыря. Зная о монашеских подвигах Зосимы и Савватия Соловецких, он имел представление и о жизни ими основанной обители, «...еже бе во удалении от людей в северной стране, край вселенныя, во окиянстей пучине». Ему было известно о том, что на благословенные острова в Белом море «...многие... с верою притекают на исправление своим единокровным и бессмертным душам не токмо иноки, но и мирские людие».

Итак, молодой Колычев решил постричься в одной из самых дальних обителей, притом живущей в исключительно трудных условиях. Между тем, из трех основателей Соловецкого монастыря двое – святые Савватий и Зосима – будут канонизированы лишь в 1547 году, а третий – святой Герман – только в XVII столетии. Великую славу обитель получит как раз в ту пору, когда игуменом станет человек, пока бредущий бесконечными дорогами на север...

Почему же он искал пристанища именно там? Вокруг Москвы стояли более древние обители, жившие в ореоле великой святости. Тот же Троице-Сергиев монастырь или, например, Саввино-Сторожевский... Почему не знаменитая Кирилло-Белозерская обитель? Или, скажем, не блистательные общины Вологодчины? Не Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере, известный «сильной» иноческой жизнью? Кажется, по сравнению с ними Соловецкая обитель тогда сильно проигрывала.

Однако уже в ту пору монастырь на островах пользовался доброй славой. Первые паломники посетили его при игуменстве Зосимы, умершего еще в 1478 году. На Новгородчине о Соловках знали очень хорошо, тамошний владыка Макарий покровительствовал Соловецким инокам, а Федор Степанович и многие его родичи как раз являлись новгородскими помещиками. Но в какой-то степени знакомы были Соловки и москвичам. Во-первых, почитание Зосимы и Савватия началось гораздо раньше их общероссийской канонизации, и в русской монашеской среде они были известны задолго до того. Во-вторых, в конце 70-х годов XV века Новгородскую область присоединил к своим владениям государь московский. За десяток лет до падения Новгорода, в 1468 году, монастырь получил от новгородского правительства в вотчину весь архипелаг. Теперь государь Иван III, завоеватель Новгорода, должен был определить статус этих владений. 7 февраля 1479 года в Москве была подписана грамота, где игумена и братию жаловали: «...ведают те острова и пожни, и тони, и лешие озера, и страдомуя землю по старине те игумен и старци, которые учнут служити в том манастыре у церкви святого Спаса, и у Пречистые Успенья, и у святого Николы». Теперь братия не владела архипелагом, а «ведала» его и за пользование им обязывалась служить в роли государевых богомольцев. Таким образом, Соловки превратились в великокняжескую обитель. А к таким монастырям Москва относилась с повышенным вниманием.

В столице России и в Новгороде Великом репутация соловецких иноков стояла тогда высоко. Следовательно, нет ничего необычного в том, что Федор Степанович среди множества знаменитых монастырей Руси выбрал именно этот, относительно молодой. И не только выбрал, но и отправился туда пешком.

Житие сообщает, что родня Федора Степановича разыскивала его повсюду. Как видно, его уход стал для семейства Колычевых полной неожиданностью. «Беглеца» найти не удалось, а вестей о себе он долгое время не отправлял – покуда не укоренился на Соловках. Его даже оплакали, будто мертвеца... Так что все приведенные выше соображения о репутации Соловецкого монастыря совершенно равноправны с гораздо более прозаическим обстоятельством: Колычев-младший стремился туда, где его не найдут, а если найдут, то вряд ли выпарапают.

Родители могли настоять на возвращении первенца, и это поставило бы крест на его послушничестве. Но... в конечном итоге Соловки оказались *достаточно отдаленным* местом. Уже упоминавшийся святой Феодосий Печерский вынужден был совершать побеги из дому, желая принять постриг, чему противилась его мать. Так вот, Колычев-младший фактически тоже совершил побег. Хорошо продуманный побег на край света.

Собираясь в путь, он подкрепил душевные силы молитвой, начальные слова которой донесли до наших дней Житие: «Господи Боже, Просветителю и Спасителю мой и Защитителю животу моему, настави на путь Твой и пойду во истине Твоей...»

Однако до прибытия на острова ему еще предстояла долгая и трудная дорога через всю Новгородчину, а затем по Белому морю. Федор Степанович отправился налегке, не взяв с собой ни денег, ни сменной одежды, ни даже походного мешка. По выражению Жития, «верою токмо и добродетельми обогащаться». Для человека, привыкшего к достатку, к слугам, к богатому столу, это серьезное испытание.

Как видно, оказавшись в северных областях Новгородской земли, молодой Колычев изнемог. У него не было ни сил, ни средств, чтобы добраться до Соловков, и лишь предельное напряжение воли заставляло его продолжать движение. Одного у Онежского озера он все-таки вынужден был остановиться.

Ему посчастливилось найти доброго человека, давшего жилье и работу. Им стал некий Сидор¹³ (Исидор) Субота, житель прионежской деревни Кижя или Марковская. Землеописания XVI века полностью подтверждают это сообщение Жития. Действительно, у северного побережья Онежского озера стоял Спасских погост в Кижях. Еще в 1560-х годах там жил чернососный крестьянин Сидорка Степанов по прозвищу Субота. Очевидно, именно он приютил измученного Колычева.

С этого момента мы можем говорить о возросшей достоверности Жития. Все, что относится к Соловецкому периоду в жизни святого Филиппа, в принципе лучше известно составителю Жития, чем остальные события его жизни, – за исключением, пожалуй, обстоятельств гибели: тут агиограф располагал первоклассным источником, но о нем речь пойдет в соответствующей главе.

Житие добавляет к онежскому эпизоду в судьбе святого Филиппа: прежде «словесных» овец он «добре упасает» овец «бессловесных». Проще говоря, Сидор Степанович доверил своему тезке по отчеству пасти овец. И Федор Степанович не погнушался принять от своего тезки по отчеству столь простую работу, работу бедняка. Там, в Москве, знатный человек Федор Колычев, быть может, и не заметил бы скромного крестьянина с севера. Здесь, у Онеги, этот крестьянин играет роль сущего благодетеля, вероятно, спасшего исхудалого странника от голодной смерти. Будущий митрополит принял новый для себя труд со смирением. Таков был первый большой урок его монашеского пути: он поклонился человеку низкого звания, и через простого крестьянина Бог дал ему хлеб насущный. Надо ли добавлять, что Федору Степановичу, привыкшему жить на всем готовым, прежде следовало побороть дворянскую гордыню, а уж потом он набрался нравственных сил и отвесил низкий поклон простолюдину?

Неизвестно, как долго пастушествовал на Онежском озере молодой Колычев. Преосвященный Леонид считает, что он начал свое путешествие на север в июне, а закончил его на Соловках не позднее октября 1537 года, поскольку в дальнейшем погодные условия просто не позволили бы переправиться на острова. Таким образом, на все путешествие ушло около четырех месяцев. Сколько же он провел в пастухах у Сидора Суботы? Если судить по этим подсчетам, выйдет всего-ничего: месяц или даже несколько недель... Закрадывается сомнение: а обратил бы составитель Жития внимание на столь незначительный эпизод в жизни святого Филиппа? Впрочем, может быть, и обратил бы – из-за красивой аналогии между ролью пас-

---

¹³ В Житии отсутствует имя «Сидор», но его приводит жизнеописатель Филиппа XVII столетия – Сергей Шелонин.

туха, каковую играл Федор Степанович Колычев, и ролью пастыря, каковую сыграет митрополит Филипп.

Но возможен и другой вариант: в 1537 году он просто не попал на Соловки. Да способен ли столь неопытный странник, как Федор Степанович Колычев, да еще безо всяких запасов, пересечь страну в указанный срок, поработав между делом у зажиточного крестьянина...

Поднабравшись сил и, возможно, получив деньги на уплату переправы по морю, Федор Степанович добрался, наконец, до цели своего странствия. Но в каком году это произошло – в 1537-м или 1538-м, определить невозможно.

Чем встретили долгожданные острова бывшего аристократа, до смерти уставшего от бесконечного путешествия и горького нищенства?

В тридцатых годах XVI столетия Соловецкая обитель ничем – в самом буквальном смысле! – не напоминала современный архитектурный комплекс, величественный и прекрасный. Более того, есть все основания предполагать, что Федор Степанович, сойдя на берег, увидел груду головешек и выкопанные наспех землянки.

А увидев, – счастливо улыбнулся. Какое ему дело – каменные палаты, добротные избы, землянки, пещера или дупло в старом дубе! Новому Колычеву было абсолютно все равно, в каких условиях жить. Он прибыл куда хотел. Он был доволен. Вторая жизнь дышала прохладным ветерком в прорехи на изношенной одежде. Странник зябко поводил плечами.

Здесь ему предстояло провести три десятилетия.

Современный паломник, приезжая на Соловки, видит величественный монастырь, вздымающийся над мелководьем, словно Второй Иерусалим над равнинами новой Святой земли, видит прекрасные каменные храмы, могучие стены с башнями, множество часовен, мощеные дороги, дома-крепши, напоминающие старомосковские палаты. Он может пройтись в сторону каменных садков для разведения рыбы, умыться водой из Святого озера, идущего тихой рябью в двух шагах от монастырской стены... А может отправиться на лодке в большое путешествие по озерам, соединенным каналами. В наши дни Соловки оставляют впечатление тихой, уединенной от сует материка, но все-таки обжитой земли.

Так вот, когда Федор Степанович Колычев высадился из поморского судна и впервые ступил ногой на берег Соловецкий, ничего этого в помине не было.

Ни каналов.

Ни мощеных дорог.

Ни садков.

Ни палат.

Ни каменных часовен.

Ни каменных церквей.

Ни мощных стен вокруг обители.

А когда он уезжал с Соловков, все это – почти все, за исключением одних только крепостных стен, – уже существовало.

Но сейчас речь идет не о том, сколько всего, как и когда было построено по его инициативе. Сейчас важнее посмотреть глазами чужака на соловецкий быт второй половины 30-х годов XVI века.

Первые монахи – преподобные Савватий и Герман – появились на островах за столетие до того, в 20-х годах XV века. Святой Савватий принадлежал духовной школе преподобного Кирилла Белозерского, его присутствие у истоков обители протянуло нить между беломорскими «незнаемыми» местами и высокой иноческой культурой коренной Руси.

В непролазной чаще выросли келейки, поднялся деревянный крест. Озера давали пресную воду, леса – ягоды и коренья, море кормило рыбой. Хлеба тут при первых монахах просто не было, да и позднее с зерном бывали перебои. Огородничество на Соловках получило

широкое распространение, но попытки завести пашню, посеять хлеб, не привели к успеху. Пашню быстро забрасывали из-за того, что хлеб не вызревал. А вот рыбы – всегда вдоволь. Да и скотину разводили, – в основном ради молока и шерсти. Еще били нерпу и выделявали нерпичью кожу... С поздней осени до середины весны архипелаг отделен от материка подвижными льдами; трещат морозы, снега наметает во множестве. До Кеми, где располагается ближайшая гавань, около 60 верст. Летом насельников одолевает злой соловецкий комар. Ветра вечно стоят над островами, словно десница Господня крутит ручку машины, испускающей воздушные потоки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.